

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

© 2024 г. И. А. Халиков

*Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

E-mail: iskanderh@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2023 г.

Аннотация. В статье через изучение относительно самостоятельных направлений международно-правовой охраны исторического и культурного наследия оценивается влияние, оказываемое отдельными актами всемирного и регионального (европейского) уровня действия на уголовно-правовую политику Российской Федерации в исследуемой сфере. Автор обращает внимание на отдельные просчеты, допущенные отечественным законодателем в процессе криминализации деяний в отношении исторического и культурного наследия, которые обусловлены недооценкой международного опыта охраны материального наследия, а также инертностью объективно востребованных изменений. Исходя из современных политических реалий, определены дальнейшие направления развития уголовно-правовой политики государства в сфере охраны исторического и культурного наследия.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовая политика, историческое и культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия, памятники археологии, археологический предмет, культурный слой, культурные ценности, охрана мемориальных сооружений.

Цитирование: Халиков И. А. Международно-правовая основа уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере охраны исторического и культурного наследия // Государство и право. 2024. № 1. С. 49–55.

DOI: 10.31857/S1026945224010056

THE INTERNATIONAL LEGAL BASIS OF THE CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

© 2024 I. A. Khalikov

Kazan Law Institute (Branch) University of the Prosecutors of the Russian Federation

E-mail: iskanderh@mail.ru

Received 09.01.2023

Abstract. In the article, through the study of relatively independent directions of international legal protection of historical and cultural heritage, the influence exerted by individual acts of the world and regional (European) level of action on the criminal law policy of the Russian Federation in the area under study is assessed. The author draws attention to certain miscalculations made by the domestic legislator in the process of criminalizing acts against historical and cultural heritage, which are due to an underestimation of international experience in the protection of material heritage, as well as the inertia of objectively demanded changes. Based on the current political realities, the further directions of the development of the criminal law policy of the state in the field of protection of historical and cultural heritage are determined.

Key words: criminal policy, criminal law policy, historical and cultural heritage, historical and cultural monuments, cultural heritage sites, archaeological monuments, archaeological subject, cultural layer, cultural values, protection of memorial structures.

For citation: Khalikov, I.A. (2024). The international legal basis of the criminal law policy of the Russian Federation in the field of protection of historical and cultural heritage // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 49–55.

Неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации являются общепризнанные принципы, нормы международного права, международные договоры. Нормы уголовного закона призваны обеспечить охрану общественных отношений по сохранению, а также использованию исторического и культурного наследия. Дефиниции, используемые при построении диспозиции ст. 243–243⁴ УК РФ, — это результат трансформации международно-правовых предписаний, образующих систему последовательно принятых и реализованных на международном уровне соглашений всемирного, регионального (европейского) уровня применения. Особое место в указанной структурно упорядоченной общности отведено Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия¹ (далее — Конвенция 1972 г.) и Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)² (далее — Конвенция 1992 г.). Разработке и принятию приведенных документов, предшествовала последовательная международная правотворческая деятельность, осуществленная исходя из генезиса угроз в отношении материального наследия, имеющего особое аксиологическое значение. Формированию и развитию международного института охраны наследия, оценке влияния, оказываемого приведенными процессами на нормы уголовного закона и уголовно-правовую политику государства в сфере охраны историко-культурного наследия, посвящено проводимое исследование.

Инкорпорирование в правотворческую деятельность практики ратификации международных договоров одновременно с имплементацией их положений в отечественное уголовное законодательство следует признать залогом обеспечения соответствия уголовно-правовой политики нормам и принципам международного права. К сожалению, указанный уголовно-политический процесс инертен, а востребованные изменения вносятся в законодательство с опозданием во времени. Исследуемые нами правоотношения не стали исключением. Так, Конвенция 1992 г. была ратифицирована в 2011 г.³, а процесс криминализации антиобщественных деяний в отношении элементов наследия был осуществлен спустя два года⁴.

По справедливому замечанию А.И. Алексеева, В.С. Овчинского и Э.Ф. Побегайло, «игнорирование, медлительность и неполнота реализации в российском законодательстве международно-правовых норм, содержащихся в конвенциях (договорах, соглашениях), ратифицированных или подписанных Российской Федерацией, отнесены

к числу “кризисных” явлений в отечественной уголовной политике»⁵. Приведенное мнение в полной мере относится к нормам отечественного уголовного закона, предусматривающим ответственность за совершение преступлений в отношении элементов наследия. Бессистемность и нечеткость, допущенные при формулировании диспозиций ст. 243¹–243³ УК РФ, обосновывают необходимость обращения к нормам международного права в целях разъяснения условий их применения, а также возможной дальнейшей оптимизации.

Институт международно-правовой охраны исторического и культурного наследия в современном виде сложился в середине XX в. Он неразрывно связан с деятельностью ООН, ее подразделений по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO), смежных международных органов охраны и изучения наследия (ICCROM, ICAHM), а также развитием региональных, в частности европейских институтов охраны культурного и исторического наследия.

Примечательно то, что в большей части источников международного права охрана археологического наследия осуществляется автономно. Это предопределяет возможность изучения основ международно-правовой охраны исторического и культурного наследия исходя из особенности принятых под защиту ценностей материального мира, с разделением на *международно-правовую охрану памятников истории и культуры, культурных ценностей; международно-правовую охрану археологического наследия и его элементов*.

Подобная дифференциация предоставит возможность предметного изучения норм международного права с оценкой влияния, которое они оказали и продолжают оказывать на отечественную уголовно-правовую политику в сфере сохранения историко-культурного наследия.

Международно-правовая охрана памятников истории и культуры, культурных ценностей

И.Э. Мартыненко справедливо отметил, что основу международно-правовой охраны исторического и культурного наследия образуют концептуальные положения документов, разработанных и принятых под эгидой ЮНЕСКО⁶. Мы не ставим перед собой цели перечислить и привести содержание всех документов, принятых на международном, межгосударственном уровнях, это не входит в предмет проводимого исследования. Нами будут изучены основные положения тех актов, которые имеют значение для изучения отечественной уголовно-правовой политики в исследуемой сфере.

Правовую основу системы международно-правовой охраны объектов историко-культурного и природного наследия

¹ См.: Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993. С. 290–302.

² См.: Бюллетень договоров. 2013. № 3. С. 41–54.

³ См.: Федеральный закон от 27.06.2011 № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия» // СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3874.

⁴ См.: Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 1), ст. 4078.

⁵ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 12.

⁶ См.: Мартыненко И.Э. Особая правовая защита памятников стран СНГ, включенных в Список всемирного наследия. URL: <http://zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnirov> (дата обращения: 21.12.2022).

образуют нормативные положения Конвенции 1972 г. Опираясь на опыт защиты древнеегипетских храмов в долине Абу-Симбел (Египет, 1959 г.); организации реставрационных работ на территории храмового комплекса Боробудур о. Ява (Индонезия, 1970 г.); нивелирования пагубных последствий наводнения для памятников архитектуры г. Венеция (Италия, 1966 г.), ЮНЕСКО был создан ныне существующий механизм охраны природного и культурного наследия. «Двуединство» во многом разных направлений охраны было оправдано связью, существующей между творениями природы и человека. Отечественный законодатель, устанавливая ответственность за уничтожение (разрушение) или порчу памятников культуры (ст. 230 УК РСФСР), выразил схожее отношение к предмету уголовно-правовой охраны, обеспечив защиту общественных отношений, связанных с сохранением памятников культуры, а также особо охраняемых государством природных объектов. Конвенционными следует считать изменения, внесенные в норму Уголовного кодекса РСФСР на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г.⁷ Благодаря им были конкретизированы признаки предмета преступления, расширена возможность отнесения к его числу не только памятников культуры, но и материальных ценностей, имеющих историческое значение. Подобная предметная дифференциация сохранена отечественным законодателем и в дальнейшей правотворческой деятельности (ст. 243 УК РФ).

Значимое уточнение, расширившее возможность применения положений Конвенции 1972 г., было сделано в Будапештской декларации о всемирном наследии 2002 г. В п. «d» международного документа обращено внимание на возможность распространения ее действия на национальное историческое и культурное наследие «во всем его разнообразии и богатстве»⁸. Благодаря этому стало возможным оформление иерархической по характеру связи, существовавшей между Конвенцией 1972 г. и отечественным законодательством, применения ее положений для разъяснения дефиниций, в т.ч. используемых при построении диспозиции норм уголовного законодательства. Так, в соответствии со ст. 78 УК РФ «любой объект охраны должен отвечать условиям целостности и (или) подлинности, иметь должную систему защиты и управления, способную гарантировать его дальнейшую сохранность». Положения международного документа устанавливают правила признания памятника истории и культуры в качестве такового, определяя порядок его должной охраны, что может быть использовано при оценке характера действий (бездействия) по сохранению либо использованию памятника истории и культуры как признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ с неявной международно-правовой бланкетностью.

16 ноября 1972 г. принята Рекомендация ЮНЕСКО об охране в национальном плане культурного и природного наследия⁹. Содержание документа — это примерный перечень мер, необходимых для организации охраны

исторического и культурного наследия государствами — членами ЮНЕСКО. Для проводимого исследования представляет интерес разд. V Рекомендации — меры по обеспечению сохранения культурного и природного наследия. Так, в национальных нормативных актах, правилах и условиях, определяющих порядок ведения строительства промышленных предприятий, проведения общественных либо частных работ в обязательном порядке должны быть включены положения об охране материального наследия (ст. 43 Рекомендации). К сожалению, придание необязательного характера государственной историко-культурной экспертизе в ходе коммерческого освоения привлекательной в инвестиционном плане территории, как правило, расположенной в центральной, исторической части города (поселения), не способствует должной реализации приведенного предписания¹⁰.

О необходимости создания в национальном законодательстве института конфискации памятников истории и культуры при возникновении потребности их дальнейшего сохранения сказано в ст. 44 Рекомендации. Предложенная форма отчуждения чужого имущества предусмотрена в ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹¹ (далее — Закон № 73-ФЗ). Так, на основании вынесенного судебного решения возможно изъятие участка, на территории которого находился утраченный памятник. Подобную меру пресекательного характера законодатель отнес к числу *санкций* за совершение преступления (правонарушения), при том что механизм реализации приведенного предписания в уголовном законодательстве отсутствует.

Вопросам противодействия умышленному уничтожению исторического и культурного наследия посвящена Декларация о недопущении преднамеренного разрушения культурного наследия, принятая 17 октября 2003 г.¹² Документ имеет особое значение для проводимого исследования. Именно в нем приведены необходимые средства борьбы с правонарушениями в отношении наследия. Так, в ст. VII Декларации «государствам следует принять необходимые меры для установления национальной юрисдикции, обеспечения должных уголовных санкций в отношении лиц, причастных к уничтожению культурного наследия...». Разработчики международного документа исходили из необходимости признания важности охраны исторического и культурного наследия, последовательности и системности борьбы с его умышленным (преднамеренным) разрушением в целях обеспечения возможности его передачи в неизменном виде будущим поколениям (ст. I Декларации). При этом действенными средствами признаны меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих антиобщественные деяния в отношении рассматриваемой категории предметов. «По наитию» положения Декларации были

⁷ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.12.1982 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 49, ст. 1821.

⁸ См.: Будапештская декларация о всемирном наследии (принята 25 сентября 2002 г. Комитетом всемирного наследия на 26-й сессии ЮНЕСКО). URL: https://voopiik34.ru/wp-content/uploads/budapeshtskaya_deklaraciya_2002.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

⁹ См.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов Кодекс // <https://docs.cntd.ru/document/901756973?section=stat> us (дата обращения: 15.10.2022).

¹⁰ В настоящее время в соответствии с п/п. «м» п. 3 ч. 3 ст. 9 «Особенности применения отдельных актов (решений) публично-правового образования (стабилизационная оговорка)» Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» стало необязательным проведение государственной историко-культурной экспертизы на осваиваемом земельном участке в случае отсутствия на нем поставленного на государственный учет памятника археологии.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 26, ст. 2519.

¹² См.: Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия (принята 17 октября 2003 г.) / ООН. Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 15.10.2022).

учтены отечественным законодателем при криминализации антиобщественных деяний (ст. 243¹–243³ УК РФ). Сделано это было через приведение норм уголовного законодательства в соответствие с международно-правовым актом регионального уровня применения¹³. Вместе с тем эффективность уголовных санкций норм отечественного уголовного законодательства осталась на низком уровне.

Международно-правовая охрана археологического наследия и его элементов

Существующая система норм Уголовного кодекса РФ как механизм реализации уголовно-правовой политики в сфере обеспечения сохранения историко-культурного наследия создана после ратификации Конвенции 1992 г. Указанный документ заложил основу правового регулирования общественных отношений, определивших порядок и условия сохранения, изучения отдельных элементов наследия, став самостоятельным уголовно-политическим событием. Это делает возможным отнесение ст. 243–243³ УК РФ к числу «конвенционных», что оказывает существенное влияние на определение их положения в системе уголовного законодательства.

Региональная (европейская) система международно-правовой охраны археологического наследия и его элементов ведет свой отсчет от Европейской конвенции об охране археологического наследия¹⁴ (далее — Конвенция 1969 г.). Изучение содержания международного документа имеет особое значение, поскольку с учетом практики ее применения была разработана Конвенция 1992 г. Она завершила разработку положений охраны археологического наследия и стала *пересмотренной* по отношению к более раннему международному документу.

В ст. 1 Конвенции 1969 г. дано определение археологическим объектам, к числу которых отнесены любые материальные следы человеческой деятельности, ставшие свидетельством эпох и цивилизаций, основным либо одним из основных источников информации, которыми являются раскопки или находки. Толкование предмета охраны дано в унифицированных терминах, призванных охватить всю общность объектов, о которых идет речь в документе, а также исключить разночтения их содержания компетентными органами присоединившихся к ней стран. В пояснительном докладе Совета Европы к Конвенции 1969 г. сказано, что «все останки и предметы или любые другие следы человеческого существования — это не только движимые и недвижимые ископаемые объекты, но и все иные формы доказательств существования ушедших эпох и цивилизаций, представляющие археологический интерес...»¹⁵. К иным формам доказательств документ отнес наполнение (культурный слой) памятников археологии. В законодательстве ряда государств, присоединившихся к Конвенции 1969 г., указанное обстоятельство создало условия для

противоречивого толкования дефиниции, поставив культурный слой в один ряд с объектами археологического наследия, которые в определенных случаях могут соотноситься между собой как часть (наполнение) и целое (собственно памятник).

Так, в соответствии со ст. 5 Закона СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры»¹⁶, ст. 6 Закона РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры»¹⁷ к памятникам археологии были отнесены городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, лабиринты, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов. При этом отдельные памятники археологии, такие как городища, остатки древних поселений, селищ, содержат культурный слой как наполнение, в котором возможно обнаружение погребенных конструктивных элементов, а также имеющих историко-культурное значение артефактов. Тем самым была нивелирована гносеологическая связь между объектом археологического наследия и обнаруживаемыми на его территории предметами. Во многом это стало препятствием для привлечения к ответственности граждан, производивших незаконный поиск археологических предметов, виновных в повреждении объектов археологического наследия. Приведенный недостаток был устранен разработчиками Конвенции 1992 г.

Положения Конвенции 1969 г. не содержали запрета на поиск археологических предметов вне пределов границ, поставленных на государственную охрану памятников археологии. Это дало возможность злоумышленникам беспрепятственно «раскапывать» неизвестные науке объекты при отсутствии возможности привлечения их к уголовной ответственности. Приведенное упущение было устранено с принятием пересмотренной Конвенции 1992 г., обязавшей государства, присоединившиеся к ней, обеспечить охрану всех расположенных на территории государства археологических объектов вне зависимости от того, известны они науке или нет. Конвенция 1969 г. заложила основу государственной охраны археологического наследия в Европе, став «отправной точкой» для последующего международного и национального правотворчества в исследуемой сфере на рубеже XX и XXI вв.

Международные принципы, которыми должны руководствоваться государства при организации охраны памятников археологии, были провозглашены в Хартии по охране и управлению археологическим наследием (Лозанна, 1990 г.)¹⁸ (далее — Хартия). В преамбуле документа отмечено, что он не рассматривает специфические проблемы предмета государственной и межгосударственной охраны памятников археологии, с которыми сталкиваются отдельные страны. Этот вопрос оставлен на усмотрение региональных межгосударственных, межправительственных организаций и объединений. К примеру, государства Европы, реализовавшие положение международного документа, разработали и приняли Конвенцию 1992 г.

Для проводимого исследования представляет интерес ст. 1 Хартии. В ней, в частности, отмечено: «археологическое наследие является частью материального наследия,

¹³ Речь идет о ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной), осуществленной на основании Федерального закона от 27.06.2011 № 163-ФЗ (см.: СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3874).

¹⁴ Европейская конвенция об охране археологического наследия (ETS № 066) от 06.05.1969 г. URL: <http://www.coe.int/tu/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/066> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁵ Explanatory Report to the European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Пояснительный доклад Совета Европы о толковании содержания Европейской конвенции об охране археологического наследия) / The Council of Europe. Contracts section. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800c92f6> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 44, ст. 628.

¹⁷ См.: СЗ РСФСР. Т. 3. С. 498.

¹⁸ См.: Хартия по охране и управлению археологическим наследием от 10 октября 1990 г. // Сов. археология. 1991. № 3. С. 293–296.

основная информация о котором может быть получена в результате применения специальных археологических методов исследования; наследие включает в себя все следы человеческого существования и состоит из мест, фиксирующих все проявления деятельности человека, в т.ч. покинутых строений и руин (включая подземные и подводные) вместе со всем подъемным культурным материалом...». Положение Хартии не связывает возможность признания объекта археологическим наследием через ценность обнаруживаемых при его изучении предметов. Наполнение объекта может состоять как из археологических предметов, так и из массового археологического материала. Он может быть и не извлекаемым из культурного слоя (следы озоления, древесный тлен, массовый остеологический материал и т.п.). Это важно, поскольку требования ст. 3 Закона № 73-ФЗ связывают возможность признания культурного слоя таковым от наличия в нем исключительно археологических предметов, что может создать проблемы в правоприменительной практике, в частности при уголовно-правовой оценке деяния по ч. 2 ст. 243, ст. 243², ст. 243³ УК РФ. Так, нельзя привлечь к ответственности гражданина в случае *поиска* им археологических предметов на территории ранее не известного науке объекта археологического наследия (ч. 1 ст. 243² УК РФ), если таковые при нем не обнаружены.

Согласно Хартии, решение о проведении раскопок должно приниматься редко и только на территории достопримечательных мест, памятников, в силу различного рода причин обреченных на разрушение. «Выборка памятников археологии», которым не грозят указанные необратимые последствия, может проводиться в исключительных случаях с целью решения научно-исследовательских задач либо необходимости экспонирования результатов их проведения. При этом в преддверии раскопок должен быть исследован научный потенциал памятника, возможность сохранения для будущих поколений археологов его неисследованных частей и территорий. В Хартии был прописан принцип приоритета неразрушительных методов исследования перед раскопками. Изложенное свидетельствует о несостоятельности позиции некоторых сторонников незаконного поиска археологических предметов, которые свои противоправные действия оправдывают желанием помочь профессиональным археологам, не способным исследовать все известные и неизвестные памятники археологии.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная)¹⁹ включила в свое содержание практические наработки за период действия Конвенции 1969 г. Ее разработчиками были учтены современные вызовы, с которыми столкнулись государства Европы в процессе охраны памятников археологии²⁰. Документ крайне важен, поскольку через его ратификацию, а затем трансформацию с учетом национальной юридической техники отечественное законодательство было дополнено такими дефинициями, как «археологический предмет», «объект археологического наследия», а также «культурный слой». Определения, приведенные в ст. 3 Закона № 73-ФЗ, не выходят за пределы семантического поля Конвенции 1992 г. и толкуются исключительно через призму ее содержания.

Перечень объектов, составляющих археологическое наследие, приведен в ч. 3 ст. 1 Конвенции 1992 г. Он является примерным, иллюстративным. В него включены: «сооружения, строения, группы зданий, освоенные участки, движимые

объекты, памятники другого рода, а также окружающая их обстановка, находящаяся на суше или под водой»²¹. Присоединившиеся к Конвенции 1992 г. государства самостоятельно определяют, какие объекты (предметы) в соответствии с национальным законодательством будут признаны археологическими. Так, в ст. 3 Закона № 73-ФЗ к их числу отнесены: селища, городища, погребения, грунтовые могильники, курганы, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, культурные слои.

Самостоятельным элементом археологического наследия, не менее значимым, чем указанные в рассматриваемой части объекты (предметы), является *окружающая их обстановка (контекст, наполнение, культурный слой)*²². Объекты, извлеченные из *контекста* без проведения их комплексного изучения, часто теряют свою научную ценность. Важен и сам процесс раскопок, на что отдельно обращено внимание в Конвенции 1992 г. Так, исследователь может получить максимум информации от неизвлекаемых из окружающей обстановки (контекста, наполнения, культурного слоя) следов, оставленных на местах расположения древних поселений. Это во многом объясняет позицию отечественного законодателя, который связал наступление уголовной ответственности за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания с повреждением или уничтожением культурного слоя памятника археологии.

Норма Конвенции 1992 г. (ч. 3 ст. 1) создала правовую основу отделения археологических предметов от объектов археологического наследия. С учетом разнообразия национального законодательства стран — участниц международного договора в документе максимально унифицировано содержание используемых дефиниций. Так, к археологическому наследию отнесены недвижимые и движимые объекты материального мира. Именно движимые объекты были признаны отечественным законодателем археологическими предметами, а недвижимые — объектами археологического наследия (памятниками археологии).

Элементы археологического наследия могут быть обнаружены как на суше, так и под водой. Приведенное правило распространяемо на все археологическое наследие, в т.ч. и на окружающую его элементы обстановку (контекст, культурный слой). С этим можно согласиться, когда речь идет о затопленных городах и исторических поселениях. К примеру, на территории Спасского района Республики Татарстан в результате создания в 1955–1957 гг. Куйбышевского водохранилища были затоплены до трети всех археологических объектов, расположенных в пойме рек Волга, Кама, Свияга²³. Указанный техногенный процесс не лишил памятники археологии их исторической и культурной ценности. В результате проведения гидротехнических работ, возможно, был поврежден культурный слой (окружающая элементы археологического наследия

²¹ Explanatory Report to the European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised). URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000161800cb5e0> (дата обращения: 15.04.2020).

²² Перевод отдельных терминов с английского языка искажает их содержание и отличается от официального толкования, используемого в отечественном законодательстве. Так, в официальном тексте Европейской конвенции 1992 г. интересующее нас определение написано, как “*as their context*”. Его дословный перевод с английского языка: «*их содержание (наполнение)*», либо альтернативно — «*их контекст*», в отечественном законодательстве оно соответствует термину «*культурный слой*».

²³ См.: Бурдин Е.А. Охрана объектов культурного наследия в СССР (1917–1991 гг.): учеб.-метод. пособие. Ульяновск, 2013. С. 62.

¹⁹ См.: Бюллетень договоров. 2013. № 3. С. 41–54.

²⁰ См.: Willems W.J.H. The work of making Malta: The Council of Europe's archaeology and planning committee 1988–1996 // European Journal of Archaeology. 2007. No. 10 (1). Pp. 57–71.

обстановка), но он не был полностью утрачен для будущих научных исследований (изысканий).

Вместе с тем существуют объекты археологического наследия, находящиеся как в земле, так и в толще воды, не имеющие культурного слоя (городские стены, места погребений, останки, фрагменты затонувших кораблей и т.п.). Как следствие, лица, причастные к незаконному поиску археологических предметов, даже при повреждении охраняемого законом объекта не будут привлечены к уголовной ответственности по ст. 243² УК РФ, поскольку законодатель связал возможность ее наступления только с повреждением либо полным разрушением изначально отсутствовавшего культурного слоя. Приведенное обстоятельство следует признать упущением, способным оказать влияние на уголовно-правовую политику Российской Федерации в рассматриваемой сфере.

Исходя из того, что перечень элементов археологического наследия, указанный в ч. 3 ст. 1 Конвенции 1992 г., носит примерный (иллюстративный) характер, следует признать, что на отдельных подлежащих государственной охране недвижимых объектах может отсутствовать окружающая их обстановка. При этом движимые объекты археологического наследия будут находиться в самих подобного рода памятниках, возможно, выступать конструктивными элементами последних. Таким образом, для установления гносеологической связи между движимыми и недвижимыми элементами ученым не потребуются изучение их наполнения.

Подытоживая исследование международного документа, следует отметить, что он стал основой организации охраны памятников археологии присоединившихся к нему государств²⁴. Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию 1992 г., приняла на себя обязательство добиться реализации положений международного документа, используя весь имеющийся у нее правовой потенциал. Это последовательно было отражено в Законе № 73-ФЗ, а также в Уголовном кодексе РФ. Благодаря Конвенции 1992 г. криминализованы ст. 243², 243³ УК РФ. Кроме этого, ратификация Европейской конвенции 1992 г. потребовала от законодателя криминализации ст. 243¹ УК РФ и изменения содержания ч. 1, 2 ст. 243 УК РФ. Без преувеличения, существующую систему уголовно-правовых предписаний в исследуемой сфере следует признать конвенционной, созданной в результате переработки на внутригосударственном уровне положений международного документа. Этим объясняется его подробное изучение в проводимом исследовании.

Таким образом, существующая система норм уголовного законодательства, предусматривающая ответственность за совершение преступлений в отношении историко-культурного наследия, как механизм реализации уголовно-правовой политики государства была создана после ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) и имплементации ее положений в отечественное законодательство через криминализацию и дифференциацию уголовной ответственности. При этом в ходе правотворческой деятельности в полной мере не был учтен международный правоприменительный опыт, накопленный в ходе последовательной реализации предписаний, регулирующих охрану объектов историко-культурного наследия. Так, при раскрытии содержания объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243² УК РФ, законодателем были

существенно сужены вариативные возможности оценки характера вреда, который может быть причинен в результате противоправных действий как культурному слою, так и непосредственно памятнику археологии. Практическое применение ст. 243³ УК РФ было нивелировано недопустимостью привлечения к уголовной ответственности виновного в сокрытии факта обнаружения памятника археологии в случае его повреждения или уничтожения.

Современный этап международно-правовой охраны исторического и культурного наследия связан с разработкой и принятием Европейской конвенции о преступлениях в отношении культурных ценностей (CETS № 221) (Никосия, 19 мая 2017 г.)²⁵ (далее — Никосийская конвенция 2017 г., если не указано иное). В документе, по мнению разработчиков, были учтены криминальные вызовы, с которыми сталкивается мировое сообщество. В частности, акцентировано внимание на транснациональном характере преступлений в отношении культурного наследия, а также «цифровизацией преступности», перемещении криминального рынка культурных ценностей на различные электронные площадки сети Интернет.

Разработчики Никосийской конвенции 2017 г. отметили, что незаконная деятельность в отношении исторического и культурного наследия носит транснациональный характер. «Преступники и контрабандисты хорошо осведомлены о правовых различиях в законодательстве стран Европы и стремятся использовать возможные пробелы или слабые места в их содержании при незаконной транспортировке и реализации культурных ценностей». Соответственно, деятельность законодательных органов Европейского сообщества должна быть направлена на *криминализацию* противоправных деяний, совершаемых в целях придания культурной ценности, добытой преступным путем (в результате хищения, незаконных археологических раскопок), возможности законного владения и распоряжения, предотвращения их включения в легальный оборот²⁶.

Российская Федерация подписала Европейскую конвенцию о преступлениях в отношении культурных ценностей. Документ не противоречит российскому законодательству в части организации противодействия правонарушениям, совершаемым в отношении исторического и культурного наследия. Его содержанию, с отдельными исключениями в части раскрытия объективных и субъективных признаков, соответствуют ст. 190, 226¹, 243—243³ УК РФ, а также ст. 7.13—7.15.1, 7.33 КоАП РФ.

* * *

Подводя итог, отметим исключительную роль актов международного права в деле сохранения элементов историко-культурного наследия. В современных условиях, законодательство Российской Федерации реформируется в соответствии с требованиями, вытекающими из их содержания. Ратификация Конвенции 1992 г. потребовала приведения уголовного законодательства в соответствие

²⁴ См.: Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) ратифицирована Федеральным законом от 27.06.2011 № 163-ФЗ. Документ вступил в силу для Российской Федерации 13.04.2012 г.

²⁵ См.: Council of Europe Convention on Offences relating to Cultural Property. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/rms/0900001680710435> (дата обращения: 15.04.2020).

²⁶ См.: Explanatory report of the Council of Europe on the interpretation of the content of the European Convention on cultural property crimes (Пояснительный доклад Совета Европы о толковании содержания Европейской конвенции о преступлениях против культурных ценностей) / The Council of Europe. Contracts section. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680710437> (дата обращения: 15.04.2020).

с положениями международного договора. Дальнейшим последовательным шагом государства могла стать ратификация Никосийской конвенции 2017 г., однако в силу произошедших политических событий на данном этапе международных отношений это стало невозможным, что внесло коррективы в процесс дальнейшего развития отечественного института охраны исторического и культурного наследия, его адаптации к реалиям уголовно-правовой и социальной действительности. Во многом стали очевидными социально-криминологические условия криминализации антиобщественного деяния в отношении мемориальных сооружений (ст. 243⁴ УК РФ), предопределяющие вектор развития системы норм уголовного закона, уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере охраны исторического и культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 12.
2. Бурдин Е. А. Охрана объектов культурного наследия в СССР (1917–1991 гг.): учеб.-метод. пособие. Ульяновск, 2013. С. 62.

Сведения об авторе

ХАЛИКОВ Искандер Альфредович — кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; 420111 г. Казань, ул. Московская, д. 41 ORCID: 0000-0002-1642-0283

3. Мартыненко И. Э. Особая правовая защита памятников стран СНГ, включенных в Список всемирного наследия. URL: <http://zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnirov> (дата обращения: 21.12.2022).
4. Willems W.J.H. The work of making Malta: The Council of Europe's archaeology and planning committee 1988–1996 // European Journal of Archaeology. 2007. No. 10 (1). Pp. 57–71.

REFERENCES

1. Alekseev A. I., Ovchinsky V. S., Pobegailo E. F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. M., 2006. P. 12 (in Russ.).
2. Burdin E. A. Protection of cultural heritage sites in the USSR (1917–1991): textbook. Ulyanovsk, 2013. P. 62 (in Russ.).
3. Martynenko I. E. Special legal protection of monuments of the CIS countries included in the World Heritage List. URL: <http://zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnirov> (accessed: 21.12.2022) (in Russ.).
4. Willems W.J.H. The work of making Malta: The Council of Europe's archaeology and planning committee 1988–1996 // European Journal of Archaeology. 2007. No. 10 (1). Pp. 57–71.

Authors' information

KHALIKOV Iskander A. — PhD in Law, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision Over the Execution of Laws in Operational Investigative Activities and Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings, Kazan Law Institute (Branch) University of the Prosecutors of the Russian Federation; 41 Moskovskaya str., 420111 Kazan, Russia